

Ирина Лукьянова

Гений и злодейство

– Ты надоел мне тысячу лет! – внезапно заорала мать из комнаты.

– Мам, ты чо? – осторожно спросил Антон с кухни.

– Зависть! – проорала она в ответ. – Ты хотел зависть! Я вспомнила!

Он хотел зависть. Он позвонил недавно:

– Мам, а где в литературе есть про зависть?

– «Моцарт и Сальери», - немедленно откликнулась она. – Вот только что с девятым классом читали.

– Не то, - огорчился Антон. – А еще?

– Олеша, «Зависть». «По утрам он поет в клозете...»

– Не, не то.

– Кого же вы можете играть из мирового репертуара в свои шестнадцать? – ехидно спросила его в прошлом году на заключительном собеседовании коротко стриженная седая дама.

– Митрофанушку, - парировал он.

– Ответ засчитан, – засмеялась она.

– Ну смотри, тебе шестнадцать лет, а выглядишь ты на тринадцать, – развел руками мастер, набиравший курс. – Ни ты, ни я пока не знаем, каким ты станешь. Ты классный парень, но подрасти и приходи через год-два.

Это была последняя надежда. В остальных вузах «большой пятерки» он уже послетал со второго-третьего туров. В списке на зачисление он был двадцать пятым, но брали первых двенадцать.

«Ты взвешен на весах и найден слишком легким».

Антон собрался было вдарить кулаком по стене, но просто потер кулак ладонью.

– У тебя еще есть целый год до армии на вторую попытку, не зря же тебя отдали в школу в шесть лет, – резонно убеждали его родители. – Но подумай еще про запасной вариант – если опять в театральный не поступишь.

– Поступлю, - еле слышно сказал он и незаметно сжал кулак.

Макс тем летом поступил на курс, о котором Антон напрасно мечтал: сам он у этого мастера слетел еще с первого тура. Их одноклассник Денис туда, где Антон слетел с третьего. Другая одноклассница на сценографию. Третий уехал учиться в Лос-Анджелес. Четвертый пошел в Гнесинку, как и собирался. Теперь они все были заняты делом. У них были новые тусовки, новые друзья и новые дела. Они занимались сценречью и сцендвижением, до полуночи торчали на «репах», на переменах фехтовали швабрами на лестничных площадках и приходили домой с красно-синими от торопливо смытого грима лицами. Антон слонялся по Москве один – от репетитора по английскому на танцы, от учителя вокала на гитару. Мама занималась с ним литературой к передаче ЕГЭ. и троллила: «Ты у нас как дворянская невеста: танцы, пенье и языки. Надо тебе вышивкой бисером заняться».

Антон сказал только: «Да ну мам, ну ты чо».

В этом году он пошел по предпрослушиваниям прямо с апреля. Девочки в пышных юбочках нервно переглядывались в коридорах. Перед комиссией нервно читали Ахматову. Парни сразу начинали орать:

— Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!.. Лично каждого убью, лично, даже если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..

Члены комиссии вздыхали.

Антон как-то не очень уверенно себя чувствовал с прошлогодней чеховской «Шуточкой», такой милой и нежной, такой похожей на него тогдашнего, еще полного надежд, еще не провалившего ни одного тура. Хотя он и в прошлом году понимал, что проигрывает на фоне того же Макса, который читал кусок из Сэлинджера так, будто рассказывал про их общую школу.

Макс сейчас со своим курсом уже вербатим делает. А Антон еще ищет текст.

«Подбирать тексты надо про себя», – наставляли его все, кто с ним занимался, от руководителя школьной мастерской до репетитора по актерскому мастерству. Но чтобы найти текст про себя, надо хоть что-то про этого себя понять. А если ты чеховский персонаж из «Шуточки», способный только упустить лучший шанс в жизни, – то не жалуйся.

Только что допущенный к первому туру, он вышел из аудитории. На расставленных в беспорядке стульях и икейских табуретках примостились разноцветные абитуриенты. Дежурный студент, свободно раскинувшись в потертом кресле, поучал их:

– А еще лучше – взять свой главный недостаток и найти в литературе героя, у которого он есть. Вот тогда это будет убедительно.

Антон сбежал вниз по лестнице и набрал мамин номер:

– Мам, где в литературе есть про зависть?

Мама кинула ссылку.

«Двух капитанов» он читал на осенних каникулах в шестом классе, когда его особенно тошнило от жизни вообще и от школы в частности. Они с матерью уехали тогда на лошадиную ферму под Липецком, жили в сельском доме, гуляли по жухлой сырой траве, которая с утра хрустела от кружевного инея, смотрели, как хозяин кормит лошадей оранжевыми тыквами. А по вечерам они лежали с книжками на сене, поверх которого была положена постель. В сене шуршали мыши, и Антон читал про осень: «Роща была сырая, а тут ещё недавно прошёл дождь, и повсюду — на ветках, на паутине, дрожащей от тяжести, — блестели и глухо падали крупные капли».

Ромашов орал Сане Григорьеву, что тот всегда ему мешал, что надоел ему тысячу лет. А потом просто бросил раненого Саню и ушел с его пистолетом и едой.

Но Саня выжил и дополз до своих.

И Антон тогда отлежался на сене и вернулся в школу.

А сейчас не надо даже отлеживаться.

Он пошел на кухню. Одной рукой наливал себе чаю, другой держал телефон и читал: «Точно два человека боролись во мне — один весёлый, лёгкий, который старался припомнить и живо представить себе всё самое хорошее в жизни, и другой — мрачный и мстительный, не забывающий обид, томящийся от невозможности отплатить за унижение».

Угу, сказал он себе. И пошел распечатывать отрывок на принтере. А Максу написал: «Прости, бро. Я все понял. Я должен отравить тебя из зависти».

«Дай отсрочку до конца сессии, бро», -- брякнул ответ.

«А я сидел, опершись руками о землю, с пересохшим ртом, стараясь не крикнуть ему: «Ромашов, вернись!», потому что это было, разумеется, невозможно».

Он перевел дух. Его спросили, что у него есть еще. Была сказочка Шергина, но сказочку он бы сейчас не вытянул. Руки дрожали, кулаки не разжимались. Он подумал и прочитал еще из «Циников» Мариенгофа.

Ему покивали и отпустили.

– Пап, по-моему, все хорошо. Я тут пойду поем, потом дождусь результатов. Маме скажи, у меня телефон садится.

«Мам пишу с чужого тлф мой сел прошел на конкурс все отл передай папе поеду сегодня к максу тусить»

– А почему вы выбрали Каверина? Его редко читают, – спросил пожилой мастер в клетчатой рубашке.

Антон вздохнул и выложил все как есть.

Комиссия захохотала.

– Надо же, какой у нас Сальери на курсе, - покачал головой мастер. – Я вот вам задание дам. Когда вы поймете, что кому-то из однокурсников больше всего завидуете, вы должны будете делать для него весь год что-то хорошее.

– Конечно, - сказал Антон и потупился, чтобы спрятать улыбку.

Его отпустили, он сел на место и стал разглядывать следующих по алфавиту однокурсников. Один на третьем туре офигенно читал Хлебникова. Другой пел так, как Антону никогда не спеть. У третьего уже было несколько узнаваемых ролей в сериалах. А четвертая вообще кудрявая блондинка из рекламы.

Антон задумался, кому из них он больше всего завидует, и представил себя хмурым старым Сальери в белых чулках и парике. Вот он открывает перстень и сыплет яд блондинке в столовский кофе. А мастер в клетчатой рубашке грозно поднимает палец и говорит: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». А ректор под финальные титры подписывает приказ об отчислении.

Он громко фыркнул. Так громко, что сразу зажал рот и нос ладонью и воровато огляделся.

«Макс прости бро - передумал тебя травить. Посмертной славы не будет».

«Все норм, я по-любому реквием не написал».